Саяма вернулся в школу и зашел в Библиотеку Кинугасы.

Парень сел за стол у стойки, открыл книгу и начал читать.

Он положил одну сторону книги на стол, листая страницы только правой рукой. Это был первый том книг по исследованию мифологии, написанных Кинугасой Тэнкё. Саяма читал раздел, посвященный эпической поэме Нибелунгов.

Из-за старого стиля высокой печати, иллюстрации растекались по страницам, но это не мешало разобрать написанное.

«Песнь о Нибелунгах» была европейским эпосом, по большей части распространенным в Германии, и базировалась на скандинавской легенде, известной как «Сага о Вёлсунгах».

— Согласно саге, юноша по имени Сигурд обучался мужчиной по имени Регин, и убил дракона по имени Фафнир священным мечом Грамом, который ему вверили. Когда он испил немного крови Фафнира, он получил способность слышать голоса животных. Птицы сообщили ему, что Регин собирается его убить и присвоить его славу себе.

Он перевернул страницу.

— После убийства Регина Сигурд полюбил женщину по имени Брунгильда, но его заставили забыть ее при помощи магии и вместо этого избрать женщину по имени Гудрун. Однако Брунгильда, когда всё выяснила, разгневалась на него и решила погубить их всех.

Как только Саяма закрыл книгу, другой голос продолжил рассказ.

— В саге Сигурд погиб во сне от руки убийцы, но в эпической поэме он умер после удара в сердце в место слева на спине, которое не было покрыто кровью Фафнира из-за упавшего туда листка.

Слова произнес высокий мужчина, стоящий за стойкой с бумажным стаканчиком.

Саяма повернулся к нему и спросил:

— Некоторые мифологические имена совпадают с реальностью. ...Вы не заметили? В Германии Сигурд носил имя Зигфрид. И Гудрун стала Гутрун. ...Разве никто не сверял совпадение этих имен?

— Нет, они не сверялись.

— Вот как, — Саяма постучал по корешку книги в твердом переплете. — Я полагаю, таким же будет ответ на вопрос, стоило ли их вообще сверять.

Легкое постукивание заставило Баку поднять головку и подражать движению Саямы, постукивая по его плечу. Парень горько улыбнулся.

— Каково это — быть тем, кого все ненавидят?

Зигфрид отхлебнул от своей чашки, после чего ответил:

— Единственное достоинство в том, что вся эта враждебность закончится в час моей смерти. В прошлом на меня несколько раз покушались, но попытки были несовершенны, поэтому я не умер.

— Ха. У вас весьма сильное желание умереть. …В таком случае, какой же смерти вы хотите?

— Умереть от руки того, кого я предал, и кто по-прежнему меня ненавидит — попросту слишком ужасно, чтобы мне это принять. Это будет идентично смерти Сигурда.

Зигфрид поставил стаканчик на стойку и рассмеялся на глухой звук бумаги.

— Саяма Микото, задумайтесь над этим. Задумайтесь со всей серьёзностью. Ненависти не избежать. Вопрос в том, насколько вы сможете уменьшить эту злобу, и кто в итоге сможет Вас понять.

— И Вы не преуспели в обоих случаях?

Зигфрид ничего не ответил, потому Саяма вздохнул.

— Что за хлопотная идея. Быть взрослым действительно сложно. Вы знали, что подобного не избежать, тогда почему?

Саяма повернулся к Зигфриду. И затем медленно произнес, словно самому с себе.

— Почему вы ввязались в Концептуальную Войну?

В середине взора Саямы старик уставился прямо на него и не двигался.

Саяма ждал. Он ждал, пока его слова растворятся в воздухе библиотеки.

И едва все вернулось к тишине, последовал ответ.

— Это случилось после того, как я сумел избежать участия во Второй Мировой Войне. Я прекрасно понимал, что что-то потеряю, если буду сражаться. Я не хотел еще одной войны. Однако…

Зигфрид запнулся, но не остановился. Он покачал головой и продолжил.

— У каждого есть свои причины, из-за которых они сражаются. Нет смысла сообщать Вам мои. Независимо от того, как много в вас идеалов, человек умирает всего от одной пули. Когда Вы увидите правду у себя перед глазами, то поймете, каковы Ваши истинные мотивы.

— Вы хотите сказать, я пойму, стоит ли риск потерять свою жизнь от единой пули?

Зигфрид кивнул.

— Я не скажу Вам не бояться смерти. Но не оглядывайтесь. Если хотите оставаться идеалистом, не ступайте на поле боя. И если Вы всё же ступите на поле боя, то постарайтесь не умереть. Вы понимаете, что это значит, хотя бы частично? Вы дважды испытали поле боя, благодаря Вашим перепалкам с 1-м Гиром. Что Вы думаете о тех людях и о себе?

Саяма кивнул, задумался об оборотне и о рыцаре и, наконец, подумал о Синдзё.

Он хранил трепещущую мысль о ней в своем сердце, но всё же собирался ступить на поле боя и затем попытался кое-что сказать.

— …

Он не сумел это произнести.

Но парень понимал, что у него с ней общего. Он понимал, чего они оба хотели.

— Поле боя, на котором мы можем умереть, хм?

Не было никаких сомнений, что они там обнаружат.

Все остальное зависело от него. С этой мыслью Саяма встал.

— Спасибо. Вы помогли направить меня в нужную сторону.

Он скользнул книгой по столу и подхватил ее правой рукой, когда она чуть не упала с края. Его левая рука все еще не зажила.

С книгой, свисающей в правой ладони, Саяма направился к полкам книг Кинугасы.

И едва он до них добрался, как взглянул наружу через узкий оконный просвет, видимый между книжных полок.

За окном показались юго-западное солнце и фигура, семенившая вниз по дороге к главному входу.

Это Синдзё Сецу. С завязанными снизу шеи волосами он сжимал перед собой умывальный таз и полотенце.

…Он направляется в публичную баню, о которой я рассказывал ему вчера ночью?

Было немного рановато для купания. Взгляд на часы показал ему 16:30.

Заинтересовавшись, почему Синдзё отправился в баню так рано, Саяму посетила мысль.

— Что если он на самом деле она?

— Мне показалось, или Вы произнесли нечто странное?

Саяма проигнорировал старика.

…Вот поэтому он купается в то время, когда никого не будет рядом?

Это лишь предположение. Ему никогда не узнать ответа, если не проверить самому.

А раз так, Саяма должен идти. Он должен еще раз проверить, является ли Синдзё Сецу на самом деле Синдзё Садаме.

Парень принял решение и двинулся.

— …

Саяма торопливо вернул книгу на полку и быстрыми шагами пересек библиотеку.

Его шаги гулко отзывались в помещении, поэтому Зигфрид нахмурился.

— Прошу прощения, — произнес Саяма, махая рукой.

Чтобы покинуть библиотеку и добраться до школьного общежития понадобится две минуты. Если он погонится за Синдзё, то прибудет к моменту, когда парень зайдет в ванную комнату. Он сумеет поймать его на месте преступления.

Саяма окажется победителем. С этой мыслью он открыл библиотечную дверь. Но тут…

— О.

Он заставил себя остановиться.

Прямо перед ним кто-то стоял. Между открытой дверью и коридором, залитым светом заходящего солнца, расположилась небольшая фигура.

У ее ног стоял черный кот. То была девушка, сжимавшая картонную коробку с птенцом внутри.

Зигфрид за спиной у Саямы назвал ее имя

— Брюнхильд-кун.

●

Брюнхильд наблюдала, как мимо нее пронесся Саяма Микото. Он бессмысленно бормотал «баня, баня", а значит, скорее всего, это не имело отношения к 1-му Гиру.

Вслушиваясь в его затухающие шаги, Брюнхильд двинулась вперед.

Как только она вошла, Зигфрид вышел из-за стойки. Он торопливо направился к ней широкой походкой. Это заняло у него всего пять шагов.

— У Вас снова какая-то неприятность с птицей?

Брюнхильд бесстрастно покачала головой. Она приготовилась кое-что сказать.

…Смогу ли я произнести это на этот раз?

Брюнхильд приоткрыла рот, вспомнив вчерашнюю ночь. Ее губы зашевелились, словно практикуясь в произношении.

Сам факт, что она заметила эти движения, говорил о том, что ее ноги не дрожали и тело не съежилось.

И поэтому Брюнхильд подняла голову. Ее волосы всколыхнулись, девушка напустила на себя, как она полагала, непроницаемую маску и поймала взгляд его голубых глаз.

— Мне нужно будет уйти до завтрашнего утра, потому, пожалуйста, присмотрите за птенцом.

— Это весьма неожиданно.

Похоже, глаза Зигфрида немного расширились.

Однако он ее не отрицал и не укорял. Она закрыла глаза, опустила голову и вытянула вперед руки с коробкой.

— Да, но… позаботьтесь о нем, — ее голова опустилась ещё сильнее. — Прошу. Вам нужно будет присмотреть за ним только до завтрашнего утра.

Брюнхильд подняла голову. Она постаралась, чтобы ее движения не притянули назад коробку.

Пока девушка на него взирала, Зигфрид, наконец, кивнул.

— Завтра утром, Вы сказали?

— Да. Я вернусь к тому времени.

— Вот как.

Зигфрид снова кивнул и взял коробку.

Брюнхильд едва не выдохнула с облегчением, но сдержалась.

Не меняя выражения лица, она глянула на птенца в коробке. Он повернулся к ней, наклонив голову. Зигфрид забрал коробку и птенец должно быть испугался ее покидать, потому что расправил крылышки.

И затем он ими затрепетал.

— …

Однако птенец не мог взлететь. Он опрокинулся, поднялся на ноги и глянул на нее снова.

Брюнхильд обратилась к птенцу.

— Не волнуйся. Он понимает язык птиц.

Едва это сказав, Брюнхильд услышала тихий смех. Она подняла глаза на лицо Зигфрида, но его выражение оставалось неизменным.

— Что-то случилось?

— Н-нет. Ничего. …Спасибо за помощь.

С быстрым комментарием Брюнхильд развернулась.

После третьего шага она услышала, как библиотечная дверь за ее спиной закрывается, и чириканье птенца отдалилось сильнее.

Она пересекла центральный холл и направилась в комнату изобразительного искусства. Черный кот вздохнул у ее ног.

— Ты сумела выговорить заготовленные слова.

— Да. Интересно почему.

— Потому что знала, что это нечто важное.

— Правда? — переспросила Брюнхильд, задумавшись.

Если кот говорил правду, то кого же она считала важным — птенца или человека?

●

Прямо за выходом из школы выстроился торговый район.

Там находилась круглосуточная общественная баня под названием «Вечный Подсолнух».

То было старомодное бетонное сооружение с черепичной крышей, но оно выделялось обширной оранжерей с металлическим каркасом на юге. Тропические растения и внесезонные подсолнухи виднелись из этой трёхъярусной структуры.

На занавесках, обозначавших мужскую и женскую бани, было напечатано изображение подсолнуха.

— Круглосуточная баня под названием «Вечный Подсолнух» использовала подземные трубы, чтобы собирать тепло из школьной бойлерной. За пределами школы есть и другие подобные сооружения, но как раз об этом я сообщил Синдзё-куну вчера.

Саяма прошел мимо кабинки дежурной, поздоровался с пожилой женщиной, работавшей там в дневную смену, и поместил монету в 100 йен в билетный автомат.

Парень взял карточный ключ, который ему выдал автомат, и передвинул Баку с плеча на голову. Он снял одежду в раздевалке, оставил ее в шкафчике и накинул полотенце через плечо.

Саяма размотал бинты на левой руке, выставив напоказ талисман, покрывающий рану. Он совсем не намочился во время его вчерашнего душа, поэтому Саяма решил, что в нем есть какая-то сила.

С закрытием шкафчика его приготовления подошли к концу.

Просто для проверки он взвесился на весах. Его вес был таким же, как и вчера.

Все шло замечательно. Осталось только направиться в баню с одним лишь полотенцем. Мыться в общественной бане — это стильно. И открывать двери двумя руками вполне соответствовало манере Саямы.

— Вот и я, — сказал Саяма, сделав шаг внутрь.

Заполненное паром банное помещение было обширным. Слева и справа выстроились четыре прямоугольные ванные десяти метров в ширину, а у стен расположились области для мытья.

Саяма двигался по центральному проходу между ванными, и его шаги снизу тихо хлюпали по охлажденной воде.

Загороженным белым цветом зрением Саяма выискивал свою цель.

И он ее обнаружил. Она находилась в самой дальней ванной слева от Саямы. Парень заметил черный цвет в ближайшем углу этой ванной.

Это был цвет волос.

Саяма направился туда сквозь пар перед собой.

Когда он приблизился, то увидел стройные плечи и черные волосы, спадавшие на умывальник, стоящий за пределами ванной.

Эта чернота терялась в воде ниже плеча, но она определенно принадлежала Синдзё.

… Ему следовало погрузиться в воду по самую шею.

Решив дать Синдзё такой совет, Саяма начал раздумывать, как бы к нему приблизиться.

Судя по реакции парня в их первую встречу, Синдзё Сецу, похоже, был чрезмерно подозрительным.

Саяме следовало приблизиться к нему так, чтобы тот расслабился.

Он обдумал демонстрацию неожиданности, резко запрыгивая в ванную, или чистосердечия, наступая Синдзё на голову, но заключил, что чем безопаснее будет способ, тем лучше.

Даже во время раздумий Саяма продолжал приближаться и наблюдать. Он мог увидеть лицо Синдзё, погрузившегося в ванну, со стороны. Его глаза закрылись, а на лице запечалилось расслабленное выражение. Его тело, о котором так любопытствовал Саяма, сидело на одной из ступеней внутри ванной, а руки обнимали себя.

Они и полотенце, надетое в ванной, скрывали его фигуру.

…Он не снял полотенце и в ванной?

Действия Синдзё слегка ошеломили Саяму, но он перетерпел. Парень не должен позволить Синдзё насторожиться. Но в то же время он не мог осмотреть его тело, пока его скрывало полотенце. Он должен устранить эту помеху.

Прежде всего, перед ним стояла подозрительность парня. Если Саяма сумеет ее преодолеть, остальное будет просто.

Саяма тихонько встал на колени позади спины, погруженной в ванную. Он подобрал рядом стоящий таз для умывания и заговорил, чтобы ослабить оборону парня:

— Господин, не желаете ли, чтобы я помыл Вам спину?

Синдзё ошалело обернулся и…

— А-аааааа!!

Он заорал и со всей силы завалился в ванную.

Всплеск и крик заполнили пространство, и его волосы потянулись за ним.

Саяма перелез за край ванной и поместил ноги в волны горячей воды, оставаясь на коленях.

— Какой шумный ребенок. Ты не должен плавать внутри ванной.

— П-почему ты ни с того ни с сего заговорил у меня за спиной?!

— Я всего лишь хотел помыть тебе спинку. В этом нет ничего подозрительного.

— Это более чем подозрительно!!

Он не приемлет логичные доводы, — подумал Саяма, поднеся руку ко лбу.

Синдзё стоял, скрывая свое тело полотенцем и замерев. Сквозь пар Саяма мог увидеть, как брови Синдзё поднимаются.

— Почему ты такой подозрительный?

— Да причем тут подозрительность. …Ты хотя бы попытался задуматься, что могут подумать люди, это увидев?!

Синдзё указал в направлении мест для мытья у стены. На краю ванной с распростёртыми руками мылся…

— А, так это Изумо.

— Здоров, — произнес Изумо и поднял руку в приветствии.

Саяма кивнул и продолжил:

— Не переживай, Синдзё-кун. Это не человек, так что его мнение можно не учитывать.

— Саяма, придурок, ты хотя бы видел мои хромосомы?

— Я могу сказать и так. У тебя определенно на две больше, чем у человека.

— Правда? Я, должно быть, очень крут, раз у меня и хромосом больше, чем у людей.

— Это… вроде бы у шимпанзе на две хромосомы больше, чем у людей? — прокомментировал Синдзё.

— Что? А, чтоб тебя, Саяма… Ты… Ты, оказывается, довольно умный придурок.

— Это не имеет значения, так что успокойся.

Изумо собирался встать, но согнулся обратно и вздохнул. Он глядел туда-сюда между Саямой и Синдзё.

— Я не знаю, что там у вас за сумбур, Саяма, но тебе следует помыться перед тем, как лезть в ванну. Это одно из пяти правил Вечного Подсолнуха.

Саяма кивнул и повернул взор к Синдзё. Тот стоял в центре ванны.

— Почему ты так сердишься? — спросил Саяма.

— П-потому что, ну…

— Я не верю, чтобы успел что-нибудь с тобой сделать.

— Как насчет сказать, что всё его существование странное? И стоп… что еще за «успел»?

Саяма проигнорировал совет от Изумо. Так или иначе, Синдзё не улизнуть после того, как Саяма помоется.

Он встал и направился к местам для мытья. Позади себя он слышал, как Синдзё вернулся в ванну на свое прошлое место. Парень увидел это в зеркале мест для мытья. Саяма сел на сиденье рядом с Изумо, расположенное как раз у зеркала. Перед тем, как воспользоваться душем, Саяма заполнил рядом стоящий таз водой несколько прохладнее человеческой кожи и поместил Баку туда.

Баку поплавал немного, затем безвольно утонул.

Саяма вытащил его наружу и поставил передними лапками на край таза. Баку, похоже, был нестойким животным.

Саяма вздохнул, распутал свои зачёсанные назад волосы и пригладил их руками.

— Изумо, — произнес он тихо.

— Чего тебе, придурок?

— У меня вопрос.

— О? Каким же нижайшим вопросом ты хочешь побеспокоить мою великую персону?

Саяма кивнул и начал втирать заготовленное мыло в кожу.

— Как тебе тело Синдзё-куна?

Саяма увидел, как Изумо повернулся к зеркалу. Он разок кивнул с серьёзным выражением лица.

— Вот мое мнение по этому вопросу: ты сдурел. Как? Дошло до тебя? Если нет, давай-ка попроще. Ты. Не. Нормальный. Ну а теперь? Сечешь?

— Я вижу, что ты все так же не сдерживаешься говорить обидные вещи. Пошел к черту, сукин сын, — Саяма вздохнул и уставился через зеркало прямо на Изумо. — Я не шучу. Я абсолютно серьёзен. …Как тебе тело Синдзё-куна?

Лицо Изумо в зеркале помрачнело, словно его заволокло тучами, и он отвел взгляд.

— Прости. Я и не понял, что ты всерьёз.

— Всерьёз. Надеюсь на твое понимание.

— Ага, извини. Никогда бы не подумал, что ты это взаправду. Я вполне удовлетворен Чисато.

— Понимаю. В таком случае, полагаю, я спросил нечто, на что ты не можешь ответить. Разве не тут обычно говорят: «чтоб ты сдох, бесполезный ублюдок»?

— Разве не здесь я должен сказать: «отвали, голубой ублюдок».

Как только Саяма тихонько подхватил душ в левую руку и краник горячей воды в правую, он услышал позади всплеск.

Парень заглянул в зеркало и увидел, как из ванны пытается выскользнуть спина с длинными черными волосами.

Тебе так просто не уйти, — подумал Саяма, зачесав волосы, развернулся, согнул колени и бросился вперед.

— Подожди-ка секунду!

На бегу он увидел, как Синдзё пытается повернуться.

Он не мог позволить Синдзё подготовиться. Сейчас главное сделать так, чтобы Синдзё его не заметил.

Чтобы избежать его взгляда, Саяма рухнул коленями на мокрый кафельный пол.

Парень заскользил ими по лужам воды.

Поскольку это произвело влажный звук, он увидел, как взгляд Синдзё пересек пространство горизонтально, словно он потерял что-то из виду.

В следующий миг он ухватил Синдзё за талию.

●

Повернутое спиной голое тело зашевелилось, когда руки Саямы обхватили его талию.

Синдзё глянул вниз на Саяму. Ему пришлось вывернуть плечи и шею назад, чтобы это сделать.

— Ч-что ты делаешь, Саяма-кун?!

Стоя на коленях, Саяма схватился за Синдзё, пока тот пытался вывернуть тело и вырваться.

— Успокойся.

— Ч-что?! Я не понимаю, что все это значит!

— Не понимаешь? Я прошу тебя оставаться спокойным и расслабленным, а не паниковать.

— Я совсем не об этом!! — Синдзё заорал, но оставил свои попытки убежать. Он покраснел и спросил. — З-зачем это все? Если тебе что-то нужно, просто скажи!

— Мне непременно нужно кое-что увидеть. Тебе не достаточно просто об этом сказать. И… это чрезвычайно для тебя важно.

— Важно? — Синдзё нахмурился и отвел взгляд. Наконец, он сказал. — Т-ты же не собираешься сделать со мной еще что-нибудь странное, да?

— Конечно, нет. Когда это я делал с тобой что-то странное?

— Э-э, Саяма-кун? …Будь добр, поверни голову направо или налево.

Саяма выбрал лево. Он повернулся и увидел себя и Синдзё в зеркале на стене.

Саяма стоял на коленях, и его руки обнимали зад Синдзё.

Это был всего лишь первый шаг в процессе проверки того, был ли Синдзё девушкой, или нет.

— Я не вижу тут ничего странного, — заявил он.

С понимающим взглядом, Синдзё опустил голову.

— О, до меня, наконец, дошло. Странные люди не осознают, насколько они странные.

— Какая грустная история.

— Я говорю о тебе!!

— Мне кажется, у тебя мания преследования. …Так или иначе, стой смирно.

— Ууу… — застонал Синдзё.

Саяма опустил голову и глянул вперед.

Там он обнаружил зад. Два круглых горбика торчали немного вперед из-за того, как он обхватил Синдзё. По ним растекались капли воды из бани. Линии его тела растягивались вверх

и вниз до его талии и вздувались на бедрах.

Он весьма округлый, — подумал Саяма. — Как изумительно.

Парень слегка сжал руками эти округлые горбики, и они мягко исказились. Капли воды, скопившиеся между плотью, скатились по телу вниз. Увидев это, Саяма мысленно выдал вздох восхищения.

…Как эротично, — искренне восхитился он.

Но едва до него дошло, о чем он думает, Саяма покачал головой.

Ему нужно проверить, девушка Синдзё, или нет. Не было времени на созерцание его задницы. Однако…

— Как бы мне описать эту красоту одним словом?

Он округлый и эротичный. Саяма на миг задумался, перевел дух и выразил это в одном слове.

— Эрокруглично.

— Ч-то? Что ты сейчас сказал?!

— Я всего лишь обнаружил новое выражение. Не бери в голову.

Саяма осознал, что не сможет определить пол Синдзё по заду. Это было очевидно. И поэтому он произнес:

— Теперь займемся этим. Повернись ко мне, Синдзё-кун.

— Э-э-эм, Саяма-кун? Ты вообще понимаешь, что говоришь? И что ты имеешь ввиду под «займемся этим»?

— Не время задавать вопросы! Это важно! — вскричал Саяма.

Тело Синдзё ослабло. Саяма поднял глаза и увидел, как ресницы парня опали.

— М-мне действительно…нужно к тебе повернуться?

— Да. Иначе я не смогу кое-что выяснить.

— …

Синдзё безмолвно отвел взгляд и Саяма ослабил хватку на заду парня.

Синдзё медленно повернулся к нему. Он стоял с сжатыми коленями, но Саяма не выказывал милосердия.

— Почему ты такой стеснительный? Убери полотенце и руки.

— М-мне правда нужно тебе показывать? Э-это неправильно. Ты собираешься сделать что-то странное, да?

— Сколько раз я должен тебе повторять? Это важно для тебя, Синдзё-кун.

— Точно? Это точно важно для нас обоих? Серьёзно?

Саяма выдал молчаливый взгляд и Синдзё слегка прикрыл глаза. Его щеки покраснели, он прикусил нижнюю губу, и его тело напряглось.

— Не делай ничего странного.

Синдзё отпустил полотенце. Мокрая ткань мягко упала на пол.

Но Синдзё по-прежнему прикрывал руками грудь и область между ног.

— Убери руки, — сказал Саяма.

Синдзё не стал кивать. Однако он поднял руки, простонал и прикрыл ладонями лицо.

Саяма наблюдал за его поднятыми руками, но затем медленно опустил взгляд.

Глаза на этом покрасневшем лице глядели на него вниз сквозь зазоры между пальцами.

Его плечи поникли, и грудь между ними была плоской. К этой самой груди Саяма дотрагивался днем ранее.

Капли воды стекали по его влажной коже от груди до его боков и живота. Вода как будто растворялась в его коже.

Саяма сопроводил взглядом стекающие капли. Он, наконец, добрался до промежности Синдзё.

— Хм…

— Ч-что это значит? Н-нет, не смотри так.

— Прошу прощения.

Саяма убедился, что Синдзё парень. Доказательство лежало у него перед глазами. Он определено находился там.

У Саямы не оставалось места для сомнений, и он испытал чувство потери от того, что его подозрения развеялись.

Синдзё заговорил сверху дрожащим голосом:

— Т-ты закончил? Закончил, да? Ты уже всё увидел?

Саяма собирался согласиться, но вдруг его мысли застопорились.

…Секундочку. Я определенно вижу его перед глазами, но…

Вдруг это какая-то хитрость?

Он знал об уровне технологии, доступной UCAT. Они вполне могли провернуть и что-то подобное.

Если он собирается проверить, ему следует подойти к этому со всей тщательностью, дабы не оставить и капли подозрений.

Однако, Синдзё в данный момент весьма насторожен. Спрашивать разрешения, скорее всего, только потратить время впустую.

И потому Саяма мягко его схватил.

Строение, тепло, вес и материя — все подверглось проверке. Осталась только прочность.

Под конец своей проверки, что более походила на экспертизу, Саяма потянул его вниз.

Он потянул целых три раза, каждый раз немного меняя направление.

— Хм.

Но он не отвалился. Что означало — это вовсе не обман.

Теперь он знал наверняка. Ошибки быть не могло. Его подозрения, наконец, развеялись.

Да, это все подтверждает, — подумал Саяма, поднимая голову.

Он облегченно вздохнул, и его плечи поникли. Он глянул Синдзё в глаза, и на его губах сама собой появилась легкая улыбка. Это были хорошие новости. Он кивнул и заговорил:

— Можешь спать спокойно, Синдзё-кун. Ты парень.

— Я и без тебя знаю!!

Шлепок настиг его снизу поля зрения, словно рука что-то зачерпнула.

Синдзё заехал Саяме в челюсть, его голова перекрутилась назад, и он рухнул на бок.

●

Закатное солнце скрылось за горной грядой на западе.

Движение того багрового света просматривались в городе лишь с высоты.

С крыши общеобразовательного корпуса 2-го года обучения Академии Такаакита за заходящим солнцем наблюдала пара глаз. Они находились выше колокольни, расположенной на крыше. Там сидела одинокая фигура.

Она носила черное одеяние и треугольную шляпу. Той девушкой, сжимавшей метлу и привязанную к ней громадную косу, была Брюнхильд.

Она посмотрела в направлении силуэта западной гордой гряды, подсвечиваемого светом солнца. Девушка оставалась совершенно неподвижной, положив руки на колени и скрывшись от глаз тех, кто мог заметить ее снизу.

Рядом с ней сидел черный кот. Он поднял взгляд, и его неподвижная хозяйка наклонила голову.

По-прежнему глядя на запад, Брюнхильд невозмутимо произнесла:

— Не волнуйся. Я уже разобралась с моей проблемой.

— Правда?

— Да, это решит для меня всё. Если он прибудет, когда мы попытаемся вернуть Грам, получится, что он бросил птенца, которого я ему доверила. Тогда я буду знать, что он меня предал.

— А если он не придет?

— Тогда я его прощу, — произнесла Брюнхильд, слегка прищурившись. С ее губ сорвался небольшой вздох. — Но это дело — билет в один конец. Сюда я уже не вернусь. Если мы одержим победу, я присоединюсь к переговорам вместе с Лордом Хагеном как член 1-го Гира. Если мы проиграем — я умру.

— Значит, ты не вернешься, — голова черного кота поникла. — В таком случае, мне нужно кое в чём признаться. Это я разорвал календарь в твоей комнате.

— Это ничего. Его купила школа, потому я тебя прощаю.

— Спасибо. Но еще, это я разбил чашку, которую тебе дала школа.

— Вот как… мне очень нравилась эта чашка, но ее все равно не вернуть. Я тебя прощаю.

— А еще я обслюнявил твою подушку и подстроил все так, будто это сделала ты.

— Понятно… так вот, что случилось.

— А еще, я скрыл, что немного обмочился у тебя под одеялом. Вот почему оно недавно так воняло.

— …Ясно. Так вот откуда этот запах. Если есть что-нибудь еще, скажи сейчас. Ты будешь освобожден от всякой боли.

— Просто из любопытства, что ты хотела сказать под «освобожден от всякой боли»?

— Ты больше никогда ничего не сможешь почувствовать… Стой, не удирай!

Когда Брюнхильд начала подниматься, она увидела, как закатное солнце освещает городской пейзаж.

— …

Девушка замерла и осмотрелась по сторонам. Она увидела дома, строения, поля, небольшие леса и сетку дорог.

Весь городской пейзаж не осознавал, что она возвышалась здесь под легким ветром.

По какой-то причине она нахмурилась. Черный кот повернулся к ней.

— Что такое?

— Ничего, — Брюнхильд потянулась рукой и схватила кота. — Прощай, пейзаж. Ты совершенно не похож на лес, в котором я когда-то жила.

При этих словах Брюнхильд кивнула и начала осуществлять свое наказание.

●

Сидя на лавочке у входа в Вечный Подсолнух, Саяма и Изумо вдвоем пили кофе с молоком. Красная рассохшаяся деревянная лавка скрипела под Изумо.

Когда у Саямы осталось совсем немного молока, парень поставил бутылку рядом с собой. Он опустил Баку с головы, и зверек засунул голову в расположенную боком бутылку, принявшись вылизывать оставшееся молоко.

— Какое бесполезное животное.

— Судя по всему, он живет с того, что показывает и наблюдает прошлое и сны других людей. Несмотря на это, он будет поедать всё, что ты ему дашь.

— Но что ты думаешь, Саяма? Положить руку на бедро во время питья кофе с молоком — обычное дело, но что если воспользоваться двумя руками?

С контуром от бутылки вокруг его рта, Изумо оглянулся через плечо. Саяма проследил за его взглядом и обнаружил занавески женской бани.

— Ты ждешь Казами?

— Ты вообще слушал мое грандиозное заявление?

— Я избегаю делать вещи, которые не привносят пользу в мою жизнь.

— Я не представляю, как твои причудливые действия в бане могли принести тебе какую-то пользу.

— Принесли. Отныне у меня не будет никакого недопонимания с Синдзё-куном.

— Мне кажется, отныне ты только и будешь служить источником всеобщего недопонимания… Блестящая развязка, я тебе скажу. Совершенно неописуемое зрелище — парень, развалившийся посреди бани с выпирающим вверх задом.

— Я не получал такого крепкого удара уже довольно давно. Должно быть, расслабился.

Услышав это, Изумо вздохнул. Он оглянулся, дабы убедиться, что вокруг ни души.

Затем поставил свою пустую бутылку на землю и заговорил:

— Говоря о полезных вещах, что ты собираешься делать с Путем Левиафана?

— Ты хочешь напомнить о той сцене смерти?

— Да. Ты видел выстрел Чисато, ведь так? И после этого враг покончил с собой. Подобное может случиться и в следующий раз.

— Тогда почему вы с Казами этим занимаетесь?

— Я сын президента ИАИ… и есть еще другие заморочки, — Изумо повернулся к Саяме, и улыбку стерло с его лица. — Мы готовы. Ну а ты как? Тебя не волнует школьная жизнь, но это лучше, чем умереть, правда?

— Это так, но что, по-твоему, случится, если я не соглашусь на Путь Левиафана?

— Наше подразделение будет расформировано. Взрослые возьмут все на себя. В конце концов, наш надзиратель Ооширо Итару.

— Ооширо Итару… У него такое огромное влияние?

— Честно говоря, не знаю. Большинство сотрудников Японского UCAT погибли вместе с командой помощи ИАИ во время Великого Кансайского Землетрясения в конце 1995-го. Насколько я слышал, их поглотила вторичная катастрофа.

— И в результате этого японское UCAT временно расформировали? Я слышал об этом от Фасольта.

— Ага. После этого, похоже, только наивысшие чины и Ооширо Итару остались. Более того, похоже, он единственный оставшийся сотрудник среднего поколения японского UCAT.

— Слишком много «похоже»… Мне казалось, ты наследник корпорации Изумо?

— Прости, но меня тогда там не было, — произнес Изумо, сложив руки на груди. Он прокряхтел, глянул вверх, вниз, и наклонил голову. — Дело в том, что я… Ладно, придется рассказать. Я непослушный ребенок, родившийся от моего отца из Лоу-Гира и девушки из 10-го Гира.

— Серьёзно? Вот так сюрприз. Какая неожиданность.

— Не отвергай мое важное заявление, как будто это ерунда…

— Мне от него никакой пользы. И смешение кровей весьма обычно в наш век.

— Ха-ха. Полагаю, так подумает кто-то вроде тебя с беспокойной семейкой. Но дай-ка сказать кое-что еще: даже если ты не примешь Путь Левиафана, Казами и я останемся частью Отряда Левиафана с Ооширо Итару, выступающим в качестве посредника.

— Почему? Звучит так, будто вы не можете отказаться.

— Мы и не можем, — сказал Изумо. — Наше оружие — это концептуальное оружие, полученное в заварушке, когда я прибыл два года назад. Мой V-Sw — это Ваджра и Вритра 6-го Гира. А G-Sp2 Казами — Гангир 10-го.

Саяма вспомнил громадный однолезвийный меч Изумо и длинное однолезвийное копье Казами.

— Они оба дают Концептуальному Ядру облачение в форме оружия. В основе существования концептуального оружия лежит концепт, так что оно создает собственное поле и его силу можно использовать под эффектами любого концепта. Вдобавок, наше оружие наделено гораздо большей силой, чем обычное, использующее философские камни, потому что оно питается от Концептуальных Ядер. Их обладателям придется увидеть все до самого конца.

— И оба оружия приняли вас как своих хозяев?

— Да. Они оба наделены собственной волей. Мы получили их в беспорядках два года назад, когда 6-й полностью согласовался с UCAT и 10-й по большей части примкнул к UCAT. По крайней мере, Путь Левиафана с 6-м и 10-м Гирами уже завершён, — Изумо горько ухмыльнулся. — Эти концептуальные пушки реально прилетят к тебе, если ты их позовешь.

— Весьма экстравагантное явление.

— Ха-ха-ха. Ты мне не веришь, ведь так, тупой ублюдок?

— Ха-ха-ха. Хватит нести чепуху вслух, сукин ты сын.

Они оба выдали вздох. Саяма поднес руку к подбородку и произнес:

— Выходит, Путь Левиафана продолжится и без меня. С тобой, Казами и Ооширо Итару.

— Ага. Я слыхал, давление твоего дедушки подскочило, когда он узнал, что моя беспорядочная заварушка разрешила часть переговоров. Мне кажется, его завещание включало в себя какой-то способ решения, если ты откажешься, но у UCAT, скорее всего, была какая-то еще причина, чтобы это принять.

— Как раз два года назад мой дед разговаривал со мной о вступительных экзаменах. Ему было особенно тяжело угодить. Теперь я понимаю почему.

— Но Синдзё отличается от меня и Казами. Если ты откажешься от своих полномочий в Пути Левиафана, её, скорее всего, исключат из подразделения. Ооширо Итару и начальство всегда очень щепетильны, когда дело доходит до Синдзё.

Саяма нахмурился.

— Что ты имеешь в виду?

— Они не воспринимают ее всерьёз. Или мне только кажется. Ее взяли в отряд по рекомендации старика Ооширо, но, похоже, Ооширо Итару хочет ее от всего этого отгородить. И еще, — добавил Изумо, — Ооширо Итару, похоже, по какой-то причине тебя ненавидит.

— Я понял это по тому, как он вел себя вчера.

Саяма кивнул и услышал рядом с собой громкий звук. Он опустил взгляд и обнаружил Баку, который пытался вытащить голову из бутылки, но не мог. Пока он лихорадочно вертел своими

лапками по кругу без особого результата, Саяма подхватил зверька и вытащил его наружу, словно пробку.

Тем временем он услышал голос Изумо.

— Как бы то ни было, попытайся сохранять хорошие отношения с Синдзё Сецу. Тебе, наверное, не понять, но обычные люди теряют бдительность, когда ты хоть малость о них беспокоишься.

— Благодарю покорно за совет, — с горькой улыбкой произнес Саяма. Он подхватил пустую бутылку, поставил ее рядом с лавкой и повернулся спиной к Изумо. — Я постараюсь оставаться с ним в хороших отношениях. Передавай привет Казами.

●

Изумо вздохнул вслед уходящему Саяме. Он прислонился к спинке лавочки и позвал Чисато.

Занавески женской бани раскрылись, и оттуда показалась голова Казами. Он увидел, как она оглядывается по сторонам.

— Почему ты его избегаешь? Разве мы не должны продемонстрировать ему нашу строгость как нынешние члены Пути Левиафана?

— Да, но… это просто слишком неожиданно.

— Ох и сложная девочка, — пробормотал Изумо, пока Казами добралась до лавочки и села рядом с ним.

Изумо нахмурился, увидев, что она держала в руках.

— Что это ты пьешь?

— Томатный сок. Мне нужно восстановить железо после приема ванной. Я девушка, в конце концов.

— Я и не думал, что моя Чисато относится к тем девушкам, которые имеют предрассудки по поводу своего пола…

— Да ну. Подними голову и убери эту натянутую рожу. Разве так важно, чтобы я пила молоко?

— Если ты не будешь пить молоко, твоя грудь больше не вырастет.

— Она и так довольно большая!

— Правда? — Изумо наклонил голову, легонько похапал руками воздух и наклонил голову в другую сторону. — Может, ты и права.

— Даже не знаю, хочу ли с этим соглашаться… — Казами открыла язычок, отхлебнула и глянула в небо. — Но это серьёзная проблема…

— Какая? Размер груди? Ну, полагаю, что да… Что?

— Я не об этом говорю, дурак. …Я говорю о том, что происходит.

При этих словах из женской бани вышел кто-то другой. Изумо обернулся.

— О, это же Ооки-сенсей, — позвал он ее.

Ооки была одета в спортивные штаны и футболку.

— Приветик! — окликнула она Изумо.

Неожиданно Казами заехала локтем Изумо в бок, попивая томатный сок.

— ? — подумал Изумо, глянув на Ооки. Когда он увидел, что она держала в руке, он шепнул Казами.

— Газировка, хм? Она растолстеет.

— А еще они растворяют кости. Она будет выглядеть жалко, когда ее зубы повыпадают.

— Ч-что за зловещие вещи вы двое тут обсуждаете?!

Ооки простонала и остановила их обоих. Затем она выпила газировку у них на виду.

— Э-это вкус, который вам, детям, не понять.

— Неужто? — произнесла Казами и с полуприкрытыми глазами уставилась в землю. Затем она добавила. — Но Вам не следует так говорить, когда от углекислоты у вас текут слёзы.

http://tl.rulate.ru/book/95927/3274341